

Герасим Абрамович Паперн

Р. Декарт. Его жизнь, научная и философская деятельность

Герасим Абрамович Паперн
Р. Декарт. Его жизнь, научная
и философская деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175485

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Детство и отроческие годы
Конец ознакомительного фрагмента.

6
22

Герасим Абрамович Паперн
Рене Декарт. Его
жизнь, научная и
философская деятельность

*Биографический очерк Г. А. Паперна
С портретом Декарта, гравированным в
Лейциге Геданом*

Глава I. Детство и отроческие годы

Семья. – Смерть матери. – «Маленький философ». – Ла-Флейская коллегия. – Воспоминания Декарта о школьных годах. – Жизнь в Париже. – Душевный перелом

Род Декартов принадлежал к незнатному чиновному дворянству – так называемой noblesse de robe. Пополняя свои ряды представителями отчасти мелкого дворянства, отчасти высшей буржуазии, noblesse de robe держала в описываемую эпоху в своих руках весь административный и судебный механизм Франции. Не представляя замкнутой касты, она благодаря наследственности покупных должностей и значению, придававшемуся в старой Франции мелким классовым перегородкам, превратилась в особое сословие и являлась едва ли не самым культурным слоем старой Франции: в интересующую нас эпоху, кроме Декарта, из нее вышли Ферма и Паскаль.

Сама семья Декартов не отличалась, однако, особенной интеллигентностью. На тайну происхождения гения знакомство с семьей великого французского мыслителя совершенно не проливает свет. Это была заурядная дворянская се-

мья. Духовные интересы были здесь положительно слабы, и философ в родной своей семье чувствовал себя совершенно чужим: его не понимали и считали выродком, так как он не хотел служить, тратил свое состояние на опыты, не исполнял своей обязанности содействовать продолжению рода. Наиболее обстоятельный из биографов Декарта, Балье, тщательно отмечающий все добродетели его предков и родных, может поставить им в заслугу только то, что они никогда не заключали неравных браков, плодились, размножались и содействовали приумножению родового состояния. Другая ветвь рода Декартов далеко не с таким блеском поддерживала честь своего дворянского имени: она впала в такую бедность, что была сделана попытка привлечь ее к платежу поземельного налога *taille*, которым в старой Франции обложены были люди «подлого звания». Та ветвь, из которой вышел философ, никогда не подвергалась подобному унижению. Благодаря удачным бракам она владела обширными поместьями в Турени, Бретани и Пуату и потому (такова была логика старого порядка) никогда не платила поземельного налога.

Один из представителей последней ветви, Иоахим Декарт, советник бретанского парламента, женился на больной и слабогрудой Жанне Брошар. Брак был «равным», но не особенно счастливым: молодой женщине пришлось пережить тяжелые потрясения, с которыми старший брат Декарта не нашел возможным подробнее познакомиться Балье и

которым приписывали ее раннюю кончину. За шесть лет супружества Жанна родила мужу двоих детей: мальчика и девочку. На седьмом году, во время третьей беременности, у нее стала развиваться скоротечная чахотка. 21 марта 1596 года она в маленьком городке Ла-Гэ (La-Haye, в Турени) разрешилась от бремени сыном и через несколько дней умерла. Родился слабый, хилый ребенок, которому врачи предсказывали раннюю смерть. Благодаря попечениям кормилицы, здоровой нормандки, Рене остался жив, но до двадцати лет короткий, сухой кашель и бледный цвет лица внушали опасения за его жизнь.

Детство Рене провел в Турени, славившейся садами, плодородием и мягкостью климата, но ни к родной своей провинции, ни – в особенности – к ее обитателям он не выказывал впоследствии большой привязанности. Детство Рене, видимо, не было богато счастливыми впечатлениями, и, быть может, не без влияния на это обстоятельство был тот факт, что отец его вскоре после смерти первой жены ввел в свой дом новую хозяйку. Единственное светлое воспоминание из детских лет было у Рене связано с товарищем его игр, маленькой девочкой, страдавшей косоглазием. Впоследствии, выясняя влияние ассоциации идей на возникновение у нас инстинктивных симпатий и антипатий к незнакомым людям, он говорил, что к косым всегда питал особенную нежность. Ненормальные отношения, установившиеся между Рене и прочими членами семьи, лишили биографов возможности

собрать более подробные сведения об его детстве. Мы знаем только, что отец называл его своим «маленьким философом», из чего можно заключить, что пытливость его ума рано обратила на себя внимание. Рене было восемь лет, когда, несмотря на слабое здоровье, его решили отдать в школу. Было ли вызвано это решение желанием сбить с рук постылого ребенка или же признанием невозможности дать даровитому мальчику подходящую умственную пищу в не особенно интеллигентной семье, мы не знаем.

Около этого самого времени Генрих IV, предпочитая видеть иезуитов своими сторонниками, чем врагами, отменил указ парижского парламента 1594 года об изгнании иезуитов из Франции, разрешил им вернуться в королевство и повелел учредить в городе Ла-Флеш (в Анжу) иезуитскую коллегию. Желая выказать ордену особенное внимание, король подарил коллегии свой дворец в Ла-Флеш, обеспечил ее большими средствами и завещал после смерти перенести в церковь коллегии свое сердце. Желание короля было исполнено раньше, чем он предполагал. Спустя шесть лет по возвращении во Францию иезуитов, Генрих IV был убит Равальяком, и в 1610 году, когда Рене был в первом философском классе, состоялась печальная церемония перенесения в Ла-Флеш сердца популярнейшего из французских королей.

Обеспеченная большими материальными средствами, отданная в руки деятельного ордена, коллегия в Ла-Флеш скоро сделалась одним из лучших учебных заведений Франции.

Орден всегда отводил видное место в своей деятельности воспитанию юношества и, не имея недостатка в ученых и талантливых людях, тщательно выбирал учителей для своих школ. Деятельность иезуитов на политическом поприще, положение, занятое ими здесь в качестве боевого авангарда католической реакции, до сих пор не позволяет относиться справедливо к заслугам их в области школьного дела. Между тем, заслуги их в этой области несомненны и крупны. Современники, даже не разделявшие политических и религиозных убеждений иезуитов, восторгались их школами; Бэкон ставил иезуитские школы в образец педагогам своего времени. Теневые стороны иезуитской педагогики общеизвестны: мелочный, полицейский надзор за жизнью и чтением учащихся, разжигание их самолюбия распределением по разрядам, отметками и наградами, поощрение внешнего благочестия, развивавшее в детях ханжество и лицемерие, – все это были приемы, вредно отзывавшиеся на нравственности детей. Но справедливость обязывает нас заметить, что рядом с теневыми сторонами существовали в иезуитской школе и симпатичные, представлявшие прогрессивное явление в области школьного дела.

Крупной заслугой иезуитов было то, что они сделали среднее образование бесплатным и общедоступным. Бесплатность обучения предписана была знаменитым школьным уставом (*Ratio studiorum*), составленным в 1599 году, и предписание это соблюдалось так строго, что, когда некоторые

правительства, руководимые узкими классовыми интересами, пытались заставить иезуитов ввести плату за обучение, они закрывали свои коллегии. Иезуиты не делали также исключения для детей лакеев и кухарок; будущий комедиант Мольер сидел у них на одной парте с принцем крови Конти и пользовался одинаковым с ним вниманием со стороны учителей. Уже много лет спустя по выходе из школы Декарт в письме к другу, просившему у него совета относительно воспитания сына, с большим уважением отзывался о своих учителях и указывал на «равенство, которое они устанавливают, одинаково обращаясь со знатными и простыми». Декарт справедливо указывает, что такое соединение в школе детей различных общественных групп имеет важное педагогическое значение: «получается такая смесь характеров, что через сношения и разговоры между собою дети научаются почти столько же, сколько научились бы, если бы путешествовали». Точно так же не делалось никаких ограничений по отношению к иноверцам. Иезуиты высоко ценили сближающее влияние школы, старались привлечь в нее иноверцев и, требуя от своих воспитанников-католиков строгого соблюдения регламента, делали исключение в пользу детей иноверцев, когда того требовали их родители.

Иезуитам принадлежит еще одна важная реформа в области школьного дела: они сделали преподавание светским. Внушая своим питомцам убеждение, что в религиозных вопросах они должны беспрекословно следовать авторитету

своих духовных руководителей, они перенесли богословские предметы в специальные классы, предназначенные для подготовки будущих богословов, а в общих классах ограничивались коротеньким катехизисом. Каковы бы ни были мотивы, побудившие их осуществить эту важную реформу, не подлежит сомнению, что она была в духе времени и что светский характер преподавания более соответствовал потребностям детей, чем практиковавшееся в других школах того времени забивание детских голов богословскими тонкостями.

Тем не менее, программа школы была неудовлетворительной. В основу преподавания были положены классические языки – латинский и греческий (что в XVI веке, только что пережившем эпоху гуманизма, было последним словом педагогики). Целью преподавания ставилось научить учеников свободно говорить и писать на латинском – тогда международном научном языке. Преподавание носило преимущественно грамматический характер. Родной язык был в пренебрежении. Декарт впоследствии смущенно оправдывался перед Мерсенном за многочисленные орфографические ошибки «Диоптрики» и шутя выражал надежду, что никто не будет учиться французскому правописанию по книге, напечатанной в Лейдене иностранцами. Арифметика в низших классах, по предписанию устава, должна была преподаваться легко, между делом, но в течение восьми лет проходилась полный курс математики. Прочие предметы сваливались в одну кучу под общим наименованием «эрудиция». «Эруди-

ция» представляла курьезную смесь обрывков из самых разнородных областей ведения: в нее входили рассказы из истории, нравы различных народов, иероглифы, эмблемы, эпиграммы, эпитафии, кое-что о римском и афинском сенате, о военном деле у греков и римлян, о сивиллах, о триумфе, о садоводстве, пифагорейские символы, пословицы и сравнения, любопытные истории, изречения оракула и *другое в том же роде...* «Эрудитии» иезуитская школа с полной откровенностью ставила вполне определенные задачи. Не давая сколько-нибудь солидных знаний, она должна была дать знания показные, при помощи которых можно было бы придать научный облик светскому разговору, щегольнуть ученостью в проповеди. На развитие красноречия иезуитская школа обращала усиленное внимание, и с этой целью между учениками часто устраивались словесные турниры.

Реальных знаний иезуитская школа, таким образом, не давала. Она ставила себе целью, как и современная школа, только механическую «гимнастику ума». Но этот отрицательный результат покупался несравненно менее дорогой ценой. Переутомления учащихся, той эпидемии неврозов, которая вырывает теперь столько жертв из молодежи еще прежде, чем она вступает в жизнь, иезуитская школа не знала. Устав обращал серьезное внимание на физическое здоровье учащихся. Занятия продолжались не более пяти часов в день, причем классный день делился на две половины, отделенные промежутком в три с половиной часа. Все уроки обя-

зательно разучивались в классе. Для слабых здоровьем учеников делались льготы. Декарту, ввиду слабого его здоровья, разрешено было до позднего часа оставаться в постели и он посещал только уроки послеобеденные. Привычку допоздна лежать в постели Декарт усвоил себе на всю жизнь и считал те часы, которые он проводил по пробуждении, размышляя в постели, лучшими часами своей умственной работы. Обращая серьезное внимание на развитие памяти у учащихся, устав категорически запрещал задавать выучивать наизусть более четырех строк зараз в низших классах, более семи – в высших. Излишнее обременение учащихся, кроме того, предупреждалось введенной в иезуитских школах классной системой преподавания: все предметы класса велись одним учителем.

Заучивание наизусть не более четырех строк, разучивание уроков в классе при пяти часах занятий в день, предоставление остального времени играм, фехтованию и танцам – все это вызовет, вероятно, презрительную улыбку на лицах некоторых современных педагогов, питающих органическую ненависть к «лентяям», играющим вместо того, чтобы, заткнувши уши, сидеть за книжкой. Со стороны же педантов XVI и XVII веков педагогические приемы иезуитов вызвали единодушный вопль негодования. Все они в один голос кричали, что иезуитская школа развращает юношество легкостью преподавания; настоящею школой казалась им каторга, калечащая детей умственно и физически, тогда как из иезу-

итских коллегий выходили здоровые, полные сил молодые люди. Зато среди родителей и учащихся иезуитская школа пользовалась популярностью, какой с тех пор не знала средняя школа. Популярности ее в значительной степени католическая церковь обязана восстановлением своего влияния во многих местностях, утраченных было в эпоху Реформации.

Как бы то ни было, программы были неудовлетворительны и знаний школа не давала. Грамматики латинская и греческая не давали пищи детскому уму и не удовлетворяли его любознательности. Точно так же не давали ответа на занимавшие учеников вопросы и высшие «философские» классы, в которых преподавание носило университетский характер: здесь заканчивалась математика, проходились метафизика и собственно философия, под которой в описываемую эпоху понимались естественные науки и физика. Но здесь неудовлетворительность преподавания зависела не столько от программы, сколько от состояния науки в данную эпоху. Блестящее научное движение, которому суждено было составить славу XVII века, еще только начиналось, и один из создателей новой науки сидел еще на школьной скамье в лафлешской коллегии. Достигнутые уже научные успехи не стали еще общепризнанными истинами, и к важнейшему научному приобретению эпохи – учению Коперника – даже такие выдающиеся умы, как Бэкон, относились с насмешкой. В школе царил схоластика. Давно уже переставшая соответствовать умственному уровню эпохи, она доживала послед-

ние дни. Разлад между жизнью и школой, отставшей от нее на несколько столетий, никогда не проходит безнаказанно: преподавание становится формальным и утрачивает способность влиять на умы. Те самые положения, которые некогда Абельяр с воодушевлением развивал перед тысячами учеников, стекавшихся к нему из всех стран не ради карьеры, не ради связанных с дипломом чинов и теплых местечек, а потому что в кажущихся нам теперь столь смешными «здешностях» и «всегдашностях» они искали и находили ответ на мучившие их вопросы, эти самые положения теперь равнодушно излагались плохо верившими в них людьми, излагались потому, что того требовала программа. В школе создавалась атмосфера апатии, равнодушия и неудовлетворенности.

В 1612 году Декарт закончил школу. Он провел в ней восемь с половиной лет, и плоды его занятий, как он сам сообщает, были таковы:

«Я полагал, что достаточно уже отдал времени языкам, а также чтению древних книг с их историями и вымыслами. Беседовать с писателями других веков – то же, что путешествовать. Хорошо в известной мере познакомиться с нравами разных народов, дабы более здраво судить о наших и не считать смешным и неразумным всего, что несогласно с нашими модами, как нередко делают люди, ничего не видавшие. Но если слишком долго путешествовать, то можно сделаться чужим своей стороне, и кто слишком интересуется де-

лами прошлых веков, обыкновенно становится несведущим в том, что происходит в его веке... Я высоко почитал красноречие и был влюблен в поэзию, но полагал, что это более дарования ума, чем плод учения. Те, чье разумение сильнее и кто лучше располагает мысли, так что они становятся ясными и понятными, всегда лучше, чем другие, могут убедить в предлагаемом, хотя бы говорили по-нижнебретонски и никогда не учились риторике. А те, кто одарен привлекательностью изобретения и способен выражаться с прелестью и изяществом, будут наилучшими поэтами, хотя бы искусство поэзии им не было знакомо... Я чтил наше богословие и не менее кого-либо другого рассчитывал обрести путь к небу. Но узнав, как вещь вполне достоверную, что путь этот равно открыт не сведущим, как и ученейшим и что откровенные истины, к нему ведущие, выше нашего разумения, я не осмеливался подвергать их слабости моего рассуждения и думал, что, дабы предпринять их исследование и успеть в том, надлежит получить чрезвычайную помощь свыше и быть более чем человеком. О философии скажу одно. Видя, что она от многих веков разрабатывается превосходнейшими умами и, несмотря на то, нет в ней положения, которое не было бы предметом споров и, следовательно, не было бы сомнительным, я не нашел в себе столько самоуверенности, чтобы надеяться на большой успех, чем другие. И принимая в соображение, сколько относительно одного и того же предмета может быть разных мнений, способных быть поддержанными

учеными людьми, тогда как истинным необходимо должно быть какое-нибудь одно из них, я стал все, что представлялось мне не более как правдоподобным, считать за ложное».

Одна математика Декарту особенно нравилась верностью и очевидностью рассуждений, и он удивлялся, как на столь прочном и крепком фундаменте не воздвигнуто что-либо более возвышенное, чем механические искусства.

Еще грустнее звучат слова, в которых Декарт подводит общий итог своим школьным годам:

«Я с детства был вскормлен на книжном знании, и, так как меня уверяли, что с помощью его можно получить ясное и твердое познание всего полезного для жизни, то я имел чрезвычайное желание приобрести его. Но, как только кончил курс учения, завершаемый обыкновенно принятием в ряды ученых, я совершенно переменил мнение, ибо очутился так запутанным в сомнениях и заблуждениях, что старанием моим в учении достиг, казалось, одного: более и более убеждаться в моем неведении. А между тем я учился в одной из славнейших школ в Европе и полагал, что если есть на земле где-нибудь ученые люди, то именно там должны быть таковые. Я изучал там все, что изучали другие, и, не довольствуясь преподаваемыми сведениями, пробежал все попавшие мне под руку книги, где трактуются сведения любопытнейшие и наиболее редкие. Вместе с тем я знал, как думают обо мне другие, и не видел, чтобы меня считали ниже товарищей, хотя некоторые между ними назначались уже к

занятию мест наших наставников. Наконец век наш казался мне цветущим и обильным высокими умами не менее какого-либо из ему предшествовавших. Все это дало мне смелость по себе заключать и о всех других и думать, что такого знания, каким меня первоначально обнадеживали, нет в мире».

Приведенные строки написаны Декартом много лет спустя после того, как он оставил школу, и мотивировка их носит на себе печать здравого смысла и умеренности, характеризующей зрелый период его творчества. Не подлежит, однако, сомнению, что они точно передают душевное состояние Декарта в эпоху его выхода из школы. Школа добилась громадного, почти чудесного эффекта: у юноши, в высшей степени любознательного, у ума, отличительной чертой, господствующей страстью которого была страсть к знанию, она сумела вызвать отвращение к знанию и к науке. Рене шел семнадцатый год, когда он вернулся к своим в Ренн. Он забросил книги и научные занятия и проводил все время в верховой езде и фехтовании. Но было бы ошибочно думать, что мысль его в это время спала. У этого в высшей степени творческого ума всякие впечатления тотчас же перерабатывались в законы и обобщения: результатом его фехтовальных забав явился «трактат о фехтовании».

Весной 1613 года Рене отправился в Париж: молодому дворянину нужно было позаботиться о приобретении светского лоска и завязать в столице необходимые для житей-

ских успехов связи. Старик Декарт, по-видимому, доверял рассудительности своего сына, так как отправил его в Париж, превратившийся уже тогда в новый Вавилон, одного, в сопровождении только камердинера и лакеев. В Париже Рене познакомился с ученым францисканским монахом Мерсенном, автором весьма двусмысленного комментария к книге Бытия, при чтении которого благочестивые люди покачивали головами, и математиком Мидоржем; но доверия отца не оправдал. Он попал в компанию «золотой молодежи», вел рассеянную жизнь и увлекся карточной игрой. Светские приятели Декарта, однако, жестоко ошибались, если считали его одним из своих. После полутора лет рассеянной жизни в юноше вдруг произошел перелом. Тайком от своих друзей и парижских родных он перебрался в уединенный домик в Сен-Жерменском предместье, заперся здесь со своими слугами и погрузился в изучение математики – главным образом, геометрии и анализа древних.

В этом добровольном заточении Декарт провел около двух лет. Не побудило его покинуть уединение даже такое событие, как созыв Генеральных штатов 1614–1615 годов. Это были последние Генеральные штаты старой Франции. Депутаты привезли с собой указы от сословий, требовавшие тех реформ, какие были произведены спустя много лет при уже совершенно другой обстановке. Но в то время между сословиями существовали еще рознь и взаимное недоверие; депутаты от дворянства на замечание депутатов третьего сосло-

вия, что они видят в них старших братьев, надменно ответили, что расстояние между ними такое же, как между господами и слугами; третье сословие еще было недостаточно сильным, чтобы принять на себя руководящую роль. По прошествии полугода правительство нашло, что депутаты устали, и предложило им «отдохнуть». Отдых продолжался долго – 175 лет и привел к результатам, которых вряд ли ожидали советники малолетнего еще тогда Людовика XIII. Слепое игнорирование народных нужд и требований вызвало ту страшную катастрофу, которая потрясла до основания старую Францию и возвела на эшафот правнука Людовика XIII. Вопросы, волновавшие тогда французское общество, Декарта занимали мало: он несравненно больше интересовался задачами, оставленными Паппом и Диофантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.